

АРХИТЕКТОР ОБЛАКОВ

СОН – РЕСУРС
МЕЧТА – ТОВАР
ТЫ – ДОЛЖЕН

ОБЛАЧНАЯ
КОРПОРАЦИЯ

ЛЕБЕРИЕ ДОСТУПНО.
ЦЕНА –
ВАШИ СНЫ

НЕ ВСЕ
МОЖНО КУПИТЬ.
ДАЖЕ ЕСЛИ
ЭТО СПОСОБНО
СПАСТИ ТЕБЯ.

Любишкин Дмитрий

ОН СТРОИЛ ОБЛАКА. ОНИ ХОТЕЛИ КУПИТЬ НЕБО.

Дмитрий Любишкин

Архитектор облаков

<https://litres.ru/73956681>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где корпорации научились добывать энергию из человеческих снов, мечты стали самым дорогим ресурсом. Люди продают фантазии ради еды, тепла и права дышать. Но архитектор Элиас Вэнс отказывается отдать свой главный проект — Небесный Город, способный изменить судьбу человечества.

Когда за ним начинают охоту агенты Корпорации, Элиас вместе с больной дочерью Мирой бежит в подземный мир изгнанников, мутантов и забытых мечтателей. Там, среди ржавых свалок и живого мусора, ему предстоит научиться не просто хранить мечту, а превращать её в реальность.

Но чем сильнее становится его дар, тем опаснее сила, скрытая в Мире — девочке, способной менять саму ткань мира.

«Архитектор облаков» — это атмосферный фантастический роман о цене мечты, власти воображения и борьбе за право построить мир, где есть место каждому.

Содержание

Об авторе	4
Предисловие	5
Глава 1. Инфляция грёз	7
Глава 2. Геометрия падения	13
Глава 3. Крысиный король и королева вязания	23
Глава 4. Уроки пустоты	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дмитрий Любишкин

Архитектор облаков

Об авторе

Дмитрий Любишкин, более известный под псевдонимом **DreD**, родился 29 мая 1987 года в Мытищи.

Его жизненный путь — это путь исследователя. Музыкант, писатель, практик гвоздетерапии, ченнелер и регрессолог, Дмитрий на протяжении всей жизни стремится понять природу сознания, энергии и человеческой души.

Творчество автора рождается на пересечении духовного опыта и художественного воображения. Его произведения наполнены символизмом, внутренними переживаниями и поиском света даже в самых темных уголках человеческой реальности.

Для Дмитрия литература — это не просто вымысел, а возможность говорить с читателем о важном: о страхе, свободе, памяти, предназначении и силе мечты.

Каждая история автора — это отражение личного пути, полного поисков, сомнений, открытий и стремления выйти за пределы привычного восприятия мира.

Предисловие

Иногда самые страшные антиутопии рождаются не из войны, не из голода и даже не из власти машин. Они рождаются в тот момент, когда человек перестает верить в ценность собственной мечты.

Мир романа *«Архитектор облаков»* — это мир, где воображение стало ресурсом. Здесь фантазии измеряются в кредитах, надежда продается через терминалы, а талант превращён в сырьё для огромной бездушной системы. Люди добровольно отдают свои сны, чтобы выжить ещё один день, не замечая, как вместе с мечтами теряют самих себя.

Но среди серого механизма города появляется человек, который отказывается продать главное.

Элиас — не герой в привычном понимании. Он уставший отец, беглец, инженер, человек, раздавленный обстоятельствами. Однако именно в нём живёт невозможное: образ Небесного Города — символ свободы, достоинства и права человека мечтать о лучшем мире. Его путь — это не только борьба с Корпорацией и её охотниками. Это борьба с собственным страхом, гордыней, отчаянием и сомнением.

Особое место в истории занимает Мира — ребёнок, через которого роман напоминает: истинная сила рождается не из власти, а из способности чувствовать. Именно её хрупкость делает этот мир человеческим, а отношения отца и дочери ста-

новятся эмоциональным сердцем повествования.

Перед вами не просто история о будущем. Это роман о цене творчества, о природе памяти, о праве быть собой даже тогда, когда весь мир требует отказаться от внутреннего света ради комфорта и безопасности.

«*Архитектор облаков*» задаёт важный вопрос: что останется от человечества, если однажды мы перестанем мечтать?

И, возможно, главный ответ скрыт не в сияющих башнях Небесного Города, а в людях, которые продолжают строить его — несмотря ни на что.

Глава 1. Инфляция грёз

Утро в Секторе 7 начиналось не с восхода солнца, а с вибрации.

Сначала дрожали стаканы с мутной водой на прикроватном столике. Затем начинал дребезжать тонкий оконный пластик, покрытый жирной копотью. И наконец, гул проникал в кости, в зубы, в самую суть спящего человека. Это запустились Главные Насосы корпорации «Эфир» — гигантские сердца города, готовые выкачивать ночную жатву.

Элиас открыл глаза за секунду до сирены.

Он лежал неподвижно, глядя в потолок, испещренный трещинами. В полумраке эти трещины казались ему руслами великих рек или картой неизвестного континента.

Голова раскалывалась.

Это была не обычная мигрень от недоедания или дешевого синтетического воздуха. Это была тяжесть гранита. Давление мраморных сводов, которые распирали черепную коробку изнутри.

Элиас медленно сел на узкой койке. Он поднес руки к вискам, словно пытаясь физически удержать то, что рвалось наружу.

Небесный Город.

За ночь он снова вырос. Элиас чувствовал, как добавился новый шпиль на Северной Башне. Он ощущал вес винтовой

лестницы из белого камня, которой вчера еще не было. Он слышал звон ветра в арках, которых не существовало в реальности.

Мечта требовала места. Она весила больше, чем сам Элиас. Она жрала его калории, его силы, его рассудок.

— Папа?..

Тихий, шелестящий голос со стороны соседней койки заставил его мгновенно забыть о боли. Элиас обернулся.

Мира не спала. Она сидела, закутавшись в серое казенное одеяло, и смотрела на него огромными, лихорадочно блестящими глазами.

— Сирена еще не выла, — сказал Элиас, стараясь, чтобы голос звучал мягко. — Спи, малышка.

— Мне трудно дышать, — прошептала она.

Элиас встал. Пол под босыми ногами был ледяным и липким. Он подошел к дочери, приложил ладонь к её лбу. Горячая. Слишком горячая. Кожа была сухой и тонкой, как пергамент. Под глазами залегли тени цвета грозových туч.

— Ингалятор? — спросил он.

— Пустой, — Мира показала пластиковый баллончик. — Я пробовала ночью. Он только шипит.

Внутри Элиаса похолодело. Этот холод был страшнее любого мороза. Ингалятор с чистым кислородом стоил сорок кредитов. У него на чипе было три.

За окном взвыла сирена. Пронзительный, механический вопль, возвещающий начало Сбора.

«Граждане Сектора 7! Приготовьтесь к процедуре экстракции. Напоминаем: удержание сновидений является актом эгоизма и карается штрафом. Сдайте лишнее — получите необходимое».

Элиас подошел к окну и протер пятно на стекле. Внизу, в ущелье улицы, уже зажигались огни терминалов. Люди вытекали из подъездов серыми ручьями. Сутулые, одинаковые. Они шли продавать то единственное, что принадлежало им по праву рождения — свои фантазии.

Он видел соседа, старика Йоргена. Тот шел, шатаясь, с блаженной улыбкой идиота. Вчера Йорген рассказывал, что ему снится море. Сегодня он сдаст это море в обмен на банку протеиновой каши и талоны на отопление. Вечером он вернется домой сытым, но с пустыми, рыбьими глазами, не помня, кто он такой.

— Папа, — Мира закашлялась. Звук был влажным, тяжелым. — Ты пойдешь сегодня?

Элиас сжал кулаки так, что побелели костяшки.

Он был Архитектором. Не по профессии — в этом мире больше не строили зданий, их печатали из серого бетона типовыми блоками. Он был Архитектором по сути. В его голове жил проект, способный изменить всё. Город, парящий над смогом. Город, где есть солнце.

Оценщики «Эфира» давали за этот сон высшую категорию. «Платиновый лот». Если он подключится к аппарату, если позволит щупам проникнуть в мозг и высосать этот

проект...

Ему дадут столько кредитов, что хватит на год безбедной жизни. Хватит на лучшие лекарства для Миры. На переезд на Верхний Уровень.

Цена была простой: он забудет.

Он забудет чертежи. Забудет саму идею того, что жизнь может быть другой. Он станет таким же, как Йорген — сытым скотом в загоне.

Но Мира будет дышать.

— Я найду деньги, — хрипло сказал Элиас. — Я найду работу. Грузчиком в доках. Или чистильщиком труб.

— Там не платят живыми деньгами, папа, — тихо сказала девочка. Она знала законы этого мира лучше, чем следовало десятилетнему ребенку. — Там платят талонами на сон.

Элиас отвернулся к стене. На штукатурке углем был нарисован маленький набросок. Мост. Изящный, летящий мост.

Он смотрел на него и ненавидел себя.

«Что ты за отец? — шептал голос в голове. — Твоя гордость убивает её. Твоя Великая Мечта душил твоего ребенка. Сдай её. Просто сдай».

В дверь постучали.

Не вежливо. Властно. Три удара, от которых с потолка посыпалась пыль.

— Элиас Вэнс! — голос за дверью был механически бодрым. — Контроль ментального фона. Наши датчики фиксируют в вашей квартире аномально высокое напряжение во-

ображения. Откройте.

Элиас замер.

Они пришли. «Нюхачи». Агенты, которые ищут тех, кто не сдает сны добровольно.

Он посмотрел на Миру. Она сжалась в комок.

— Папа, не открывай, — одними губами прошептала она.

Но удары повторились.

— Гражданин Вэнс! Мы знаем, что вы там. Мы знаем, что вы прячете *Архитектуру*. Это ресурс государственной важности. У вас есть три минуты.

Элиас подошел к двери. Он не открыл. Он прислонился к ней лбом.

В его голове, в сияющем тронном зале Небесного Города, зазвонили тревожные колокола.

— Три минуты, — прошептал он.

Он вернулся к кровати дочери, опустился на колени и взял её за тонкие, горячие руки.

— Слушай меня внимательно, Мира.

— Ты отдашь им его? — в глазах дочери стояли слезы. —

Ты отдашь им Город?

— Нет, — Элиас поднял голову. В его глазах, обычно серых и уставших, сейчас горел странный, пугающий огонь. — Мы не будем продавать мечту, Мира. Мы пойдем её строить.

— Что? — она не поняла.

— Одевайся. Быстро. Всё самое теплое. Мы уходим.

— Куда?

— Вниз. Туда, где не работают их сканеры.

— В Канализацию? Папа, там крысы... там темно...

Дверь содрогнулась от удара. Замок жалобно скрипнул.

Элиас рывком поднял дочь на руки. Она была пугающе легкой.

— Там темно, — согласился он, подходя к окну и глядя на пожарную лестницу, ржавым скелетом уходящую в бездну переулка. — Но, чтобы построить башню до небес, Мира... нужно сначала выкопать очень глубокий котлован.

Он ударил локтем по стеклу. Осколки брызнули на пол, сверкая, как разбитые надежды.

Холодный, вонючий воздух города ударил в лицо.

— Держись крепче, — сказал Архитектор, шагая в пустоту.

Глава 2. Геометрия падения

Ветер снаружи не был свежим. Это был сквозняк в гигантской трубе. Он пах озоном, перегоревшим маслом и сырой ржавчиной — запахом внутренностей огромного механизма, который забыли смазать.

Элиас приземлился на решетчатую площадку пожарной лестницы. Металл гулко отозвался под подошвами ботинок. Мира в его руках вскрикнула — коротко, сдавленно, уткнувшись лицом в его куртку.

— Тише, — прошипел Элиас. — Не смотри вниз.

Вниз смотреть было бесполезно. Сквозь решетку под ногами виднелась лишь бесконечная бездна из переплетенных проводов, неоновых вывесок ломбардов и клубов пара. Город-Колодец был слоеным пирогом. Они жили на уровне «минус четыре» от поверхности (которую никто не видел уже лет сто), но под ними было еще, как минимум, десять уровней «Дна».

Над головой, в разбитом окне их квартиры, показался силуэт.

Это был «Нюхач» — агент Департамента Ментального Контроля. В свете уличных фонарей блеснул его шлем: гладкая хромированная сфера без лица, в которой отражалась лишь грязь города. У него не было глаз, только сенсоры, настроенные на частоту человеческой мечты.

— Объект обнаружен, — механический голос, усиленный динамиком, прорезал шум дождя. — Внешний периметр, сектор 7-Б.

Элиас не стал ждать. Он перехватил дочь поудобнее, чувствуя, как её худенькое тело дрожит от озноба, и рванул вниз по лестнице.

Ступени были скользкими от жирной сажи. Каждый шаг мог стать последним. Но Элиас не просто бежал. Его мозг, перегруженный *Архитектурой*, работал в странном режиме.

Обычно люди видят препятствия. Элиас видел векторы.

Он смотрел на пролет лестницы и мгновенно рассчитывал нагрузку. Он знал, что третий болт в креплении проржавел на 80%. Он знал, что перила выдержат боковой удар, но не вертикальный.

Это было проклятием его дара: он видел скелет мира. И этот скелет был гнилым.

— Стоять! — сверху ударил луч прожектора.

С соседней крыши, лязгая магнитными захватами, спустились еще двое агентов. Они двигались, как пауки, игнорируя гравитацию. В руках у них гудели парализаторы — длинные стержни, на концах которых плясали синие разряды электричества.

— Папа, они догонят! — всхлипнула Мира.

Элиас добрался до площадки этажом ниже. Путь вниз был отрезан: лестничный пролет был поднят и заблокирован цепью с огромным амбарным замком. Тупик.

Сверху слышался тяжелый топот. Агенты не спешили. Им некуда было спешить: беглец был в ловушке.

Элиас подбежал к краю. До соседнего здания — обшарпанного жилого блока, увешанного спутниковыми тарелками, как лишаем — было метра три.

Три метра пустоты.

Для здорового мужчины — рискованный прыжок. С ребенком на руках — самоубийство.

Элиас прижался спиной к холодной кирпичной стене.

— Закрой глаза, Мира.

— Ты будешь прыгать?

— Нет. Мы будем падать. Но правильно.

В его голове, в сияющем зале Небесного Города, рухнула колонна. Боль пронзила висок ослепительной вспышкой. Элиас использовал эту боль как топливо. Он посмотрел на толстую водосточную трубу, идущую вдоль стены. Она была старой, чугунной, покрытой слоями краски.

Он не мог колдовать — он еще не умел вытаскивать мечту наружу. Но он мог *понимать*.

Он увидел микротрещину в креплении трубы.

«Ты устала, — подумал он, обращаясь к металлу. — Ты держись уже пятьдесят лет. Отпусти».

Он ударил ногой в точку напряжения.

Не сильно. Точно.

Кронштейн лопнул с пушечным грохотом. Тяжелая чугунная труба оторвалась от стены, но не упала, а накренни-

лась, как падающее дерево, ударившись верхним концом о край крыши соседнего дома.

Получился мост. Хлипкий, скользкий, вибрирующий мост над бездной.

— Вперед! — Элиас ступил на трубу.

Она прогнулась под их весом. Мира вскрикнула. Элиас балансировал, раскинув свободную руку. Дождь бил в лицо. Внизу гудели машины, не подозревая, что над ними идет драма.

Шаг. Еще шаг.

Труба стонала. Ржавчина крошилась под ногами.

Сзади, на площадке, приземлился первый агент. Он навел парализатор.

— Немедленно прекратить движение! — рявкнул он.

Синий луч чиркнул по плечу Элиаса.

Мышцы свело судорогой. Рука онемела. Он чуть не выронил Миру, но успел прижать её к себе онемевшим локтем.

Он упал на колени, но уже на крыше соседнего дома.

В тот же момент труба, по которой они прошли, окончательно сорвалась с креплений и с грохотом рухнула вниз, в темноту.

Агент на той стороне остался ни с чем.

Элиас лежал на мокром рубероиде, жадно глотая воздух. Воздух был отвратительным, но это был воздух свободы.

— Ты цела? — спросил он, растирая парализованное плечо. Чувствительность возвращалась колючими мурашками.

— Да, — Мира села, обхватив колени. Она смотрела на отца с благоговением и страхом. — Как ты узнал, что труба упадет именно туда?

Элиас не успел ответить.

Над крышей завис дрон.

Это был не полицейский патруль. Это был черный, обтекаемый аппарат класса «Люкс», с золотым логотипом Корпорации на брюхе. Он висел абсолютно бесшумно, удерживаемый антигравитационными подушками.

Из динамиков дрона не раздалось угроз. Раздался мягкий, бархатный голос, от которого у Элиаса волосы встали дыбом.

— Впечатляющий расчет, гражданин Вэнс. Просто великолепный.

На крышу, прямо из воздуха (как показалось сначала, но это была голографическая маскировка трапа), спустился человек.

Он был одет не по погоде и не по месту. Белоснежный костюм-тройка, лакированные туфли, которые, казалось, отталкивали грязь. В руках он держал черный зонт-трость.

Цензор Варго.

Легенда Департамента. Человек, который, по слухам, коллекционировал самые редкие сны в личных банках.

Элиас с трудом поднялся, закрывая собой дочь.

— Я не продам, — прохрипел он.

Варго улыбнулся. Его улыбка была идеальной, как у манекена.

— О, Элиас. Мы вышли за рамки купли-продажи. — Он сделал шаг вперед, и дрон над ним услужливо посветил мягким светом, создавая вокруг Цензора ореол святого. — Ты только что продемонстрировал уровень *Структурного Видения* класса А. Ты использовал энтропию города как инструмент. Ты знаешь, сколько это стоит?

Варго перевел взгляд на Миру.

— А девочка... Она совсем плоха. Гипоксия. Через два часа её легкие начнут отказывать. У меня в шаттле есть барокамера. И горячий шоколад.

— Не слушай его, — сказал Элиас дочери, не оборачиваясь.

— Почему же? — Варго остановился в пяти шагах. — Элиас, ты эгоист. Ты держишь в голове Великий Проект. Небесный Город. Я видел сканы. Это шедевр. Но он *внутри*. Он бесполезен. Он убивает тебя и твою дочь. Отдай его мне. Я построю его. Я назову улицы твоим именем. А ты получишь покой. Разве не этого ты хочешь? Покоя?

Искушение было сладким, как мед.

Элиас чувствовал, как Город в голове давит на затылок. Избавиться от него... Просто позволить Варго забрать этот груз. Стать пустым. Легким.

И Мира будет жить во дворце.

Элиас посмотрел на Варго.

— Если ты построишь его... кто будет там жить?

Варго слегка приподнял бровь.

— Достойные, конечно. Те, кто может оценить красоту. Элита. Мы не можем пустить туда чернь, Элиас. Они загадят мрамор за неделю.

Элиас кивнул.

— Я так и думал.

Он наклонился к уху Миры.

— Сейчас мы побежим. К вентиляционной шахте.

— Папа, там пропеллеры...

— Я знаю, как их остановить. На счет три.

Элиас выпрямился.

— Мой ответ — нет, Цензор. Мой Город — для всех. Или ни для кого.

Лицо Варго не изменилось, но в глазах появился холодный блеск.

— Жаль. Я надеялся сохранить исходник неповрежденным. Взять их.

Из тени за спиной Варго вышли два «Чистильщика» — боевые киборги, огромные, грубые, собранные из гидравлики и брони.

— Три! — крикнул Элиас.

Он не побежал на врагов. Он развернулся и бросился к огромному коробу промышленной вентиляции, торчащему из крыши. Решетка была выломана. Внутри с гулом вращались лопасти диаметром в два метра, перемалывая грязный воздух. Смертельная мясорубка.

— Он сумасшедший! — крикнул Варго, теряя самообла-

дание.

Элиас прыгнул в шахту.

Прямо на лопасти.

За долю секунды до удара он *увидел*.

Винт вращался со скоростью 300 оборотов. Но один из подшипников был перегрет. Если бросить туда твердый предмет...

Элиас сорвал с пояса тяжелый разводной ключ (свой единственный инструмент) и швырнул его не в лопасти, а в щель кожуха мотора.

КРАК!

Звук разрывающегося металла был ужасен.

Ключ заклинил вал. Гигантский винт, вместо того чтобы разрубить беглецов, сорвался с оси, пробил стенку короба и вылетел наружу, как диск циркулярной пилы, едва не обезглавив одного из киборгов.

Элиас и Мира провалились в тишину остановившейся шахты. Они заскользили вниз по гладкому металлу, в темноту, пахнущую пылью и забвением.

На крыше Цензор Варго подошел к краю шахты. Он поправил манжеты.

— Ушел, — констатировал он без эмоций. — В Сектор Переработки. В Канализацию.

Он повернулся к адъютанту, который выглядывал из шаттла.

— Блокируйте выходы на поверхность. Спускайте «Гон-

чих». И скажите инженерам, чтобы готовили *Экстрактор Глубокого Бурения*.

Варго улыбнулся, глядя на дыру, поглотившую архитектора.

— Если он хочет играть в грязи, мы похороним его в ней.

Элиас и Мира скользили вниз бесконечно долго. Желоб вилял, менял наклон. Их швыряло от стенки к стенке.

Наконец, желоб выплюнул их.

Они упали на гору чего-то мягкого, шуршащего.

Элиас сел, отплевываясь от пыли. Было темно, но глаза быстро привыкли. Вокруг светились тусклые фосфоресцирующие грибы, растущие на стенах гигантского туннеля.

Они сидели на горе старой одежды. Тысячи пальто, платьев, ботинок. Вещи тех, кто исчез или умер в Городе.

— Папа, — голос Миры дрожал. — Где мы?

Элиас встал. Воздух здесь был другим. Тяжелым, влажным, теплым. Он пах гнилью, но сквозь гниль пробивался другой запах.

Запах жизни.

Он посмотрел вперед. Туннель уходил в бесконечность, и вдали виднелись странные, разноцветные огни костров.

— Мы на Дне, Мира, — сказал Элиас, поднимая дочь и стряхивая с неё чью-то забытую шляпу. — В мире, которого официально не существует. И нам нужно найти того, кто поможет нам выжить до утра.

У него в голове Небесный Город затих. На время. Давле-

ние ушло.

Потому что здесь, внизу, законы физики и логики, казалось, работали совсем иначе.

Элиас сделал первый шаг по зыбкой горе мусора.

Путешествие началось.

Глава 3. Крысиный король и королева вязания

«Дно» не было просто подвалом. Это был город под городом, зеркальное отражение верхнего мира, только искаженное, как в комнате смеха. Здесь текли реки из химических отходов, светившиеся ядовито-зеленым. Вместо неба здесь были переплетения труб, с которых капал конденсат — вечный дождь подземелья.

Элиас шел осторожно, стараясь не наступать в лужи. Мира держалась за его руку так крепко, что у него немели пальцы.

— Смотри, папа, — прошептала она, указывая на стену.

На влажном бетоне росли грибы. Но они были странными. Одни пульсировали, как сердца. Другие тихо напевали мелодию — обрывки колыбельных, забытых кем-то наверху.

— Не трогай, — предупредил Элиас. — Здесь всё пропитано «Эфиром». Отходы производства. Эти грибы — галлюциногены. Вдохнешь споры — и забудешь свое имя.

Они вышли к широкому каналу. Через поток была перекинута баржа, превращенная в мост. На ней горели костры.

Вокруг костров сидели люди. Или существа, когда-то бывшие людьми.

Одни были закутаны в лохмотья из пластиковых пакетов. У других на коже виднелись наросты — кристаллы, пророс-

шие сквозь плоть. Это были «Передозированные» — наркоманы, потреблявшие слишком много чужих снов.

Элиас натянул капюшон пониже.

— Идем тихо. Не смотри им в глаза.

— Эй, Свежий! — окликнул хриплый голос.

Дорогу им преградил человек-гора. У него не было левой руки — вместо неё был примотан ржавый гидравлический захват от погрузчика. Его лицо было покрыто татуировками-штрихкодами.

— Ты пахнешь Верхним Миром, — прохрипел гигант, принюхиваясь. — Пахнешь мылом и страхом. За проход надо платить.

Элиас остановился.

— У меня ничего нет. Только больная дочь.

— Дочь? — Гигант ухмыльнулся, обнажив металлические зубы. — Дети здесь редкость. Дети стоят дорого. «Фермеры» дадут за неё хорошую цену.

Он шагнул вперед, щелкнув клешней.

Элиас напрягся. Он устал. Он был ранен. Но в его голове всё еще жил Город.

Он посмотрел на гидравлику врага. Старая модель. Шланги пересохли.

«Давление в системе — 150 атмосфер. Уязвимая точка — соединительный клапан».

Элиас не был бойцом. Но он был инженером.

Когда клешня метнулась к его горлу, он не стал уворачиваться.

ваться. Он сделал шаг навстречу и ударил. Не кулаком. Пальцем. Жестко, точно в стык шланга.

ПШШШ!

Струя горячего масла ударила гиганту в лицо.

Тот взревел, хватаясь за глаза. Клешня безжизненно повисла.

— Бежим! — Элиас дернул Миру.

Они пронеслись мимо ослепленного бандита, перепрыгивая через спящих бродяг. За спиной поднялся шум. «Лови их!», «Свежее мясо!».

Они свернули в узкий боковой туннель. Здесь было суше. В конце коридора виднелся странный, мягкий свет — не электрический, а теплый, как от свечи.

Они выбежали на небольшую круглую площадь.

Здесь было тихо. Шум погони стих, словно отрезанный невидимой стеной.

Посреди площади, на горе из старых ковров, сидела старуха.

Она была крошечной, похожей на сушеную яблоню. На глазах — плотная повязка из черного бархата. В руках — длинные, блестящие спицы.

Она вязала.

Но нити не было.

Ее спицы мелькали в воздухе, цепляя пустоту, скручивая тени и блики света. И из-под спиц выходило полотно — полупрозрачное, дымчатое, которое медленно растворялось в

воздухе.

— Гости, — проскрежетал голос старухи. Она не повернула головы. — Двое. Один тяжелый, как камень. Другая легкая, как пух.

Элиас остановился, тяжело дыша.

— Нам нужно укрытие, — сказал он. — За нами гонятся.

Старуха усмехнулась.

— Здесь за всеми гонятся, милоч. Либо прошлое, либо голод. Но ты... — она повела носом. — Ты принес с собой что-то интересное. Пахнет чертежной тушью и амбициями.

В туннеле за их спиной послышался топот. Бандиты нашли их.

— Они идут, — Элиас оглянулся в поисках оружия. Но здесь были только ковры.

Старуха вздохнула.

— Шумят. Мешают работать. Лом!

Земля дрогнула.

Из тени, из груды металлолома у стены, поднялась фигура.

Элиас попятился, прижав Миру к себе.

Это был не человек. Это был голем. Трехметровое существо, грубо сваренное из автомобильных дверей, труб и дорожных знаков. Вместо головы у него была кабина от башенного крана, внутри которой горел единственный желтый глаз-прожектор.

— Гости? — прогудел голем. Его голос звучал как скрежет

тормозов.

— Гости, — кивнула старуха. — А те, в коридоре — паразиты. Выкинь мусор, Лом.

Голем шагнул к туннелю.

Бандиты выскочили на площадь. Увидев железного гиганта, они затормозили.

— Лом! — взвизгнул однорукий главарь. — Это наша добыча! Отойди, ржавое ведро!

Лом не ответил. Он просто поднял руку-ковш и опустил её. Не на людей — перед ними.

Удар потряс пол. Бетон треснул. Бандитов отбросило волной пыли.

— Уходите, — прогудел Лом. — Здесь территория Ткачихи.

Бандиты не стали спорить. В подземелье знали: с Ломом спорить — себе дороже. Они попятились и растворились в темноте, сыпля проклятиями.

Лом повернулся к Элиасу. Его желтый глаз сфокусировался, жужжа линзой.

— Анализ: угроза минимальна. Организм истощен. Ребенок болен.

Элиас опустил руки. Адреналин отпускал, и на его место приходила свинцовая усталость.

— Спасибо, — выдохнул он.

— Не благодари, — прокаркала Ткачиха, продолжая вязать воздух. — Бесплатный сыр только в мышеловке, Архи-

тектор.

— Вы знаете, кто я?

— Я слепая, а не глухая. Весь Нижний Уровень уже шепчется, что сверху свалился безумец, который сломал вентиляцию гаечным ключом.

Она похлопала ладонью по ковру рядом с собой.

— Садись. Накормим твою дочь супом из плесени. Он гадкий, но лечит легкие лучше ваших дорогих ингаляторов.

— Почему вы помогаете? — Элиас не двигался. Он привык никому не верить.

— Потому что ты — единственный за десять лет, кто пришел сюда *своим* ходом, а не был смыт в унитаз системой, — старуха повернула к нему лицо, скрытое повязкой. — И потому что я чувствую, что у тебя в голове. Ты хочешь построить лестницу в небо, парень. А я люблю хорошие истории.

Мира дернула отца за рукав.

— Папа, она добрая. Я чувствую.

Элиас посмотрел на гиганта Лома, который замер у входа как страж. Посмотрел на Ткачиху.

У него не было выбора.

Он подошел и сел на ковер.

— Меня зовут Элиас.

— Я знаю, — Ткачиха вдруг ткнула его спицей в грудь. Спица прошла сквозь куртку, но не уколола. Элиас почувствовал тепло. — Ты — Архитектор. А я — Ткачиха. Я вяжу реальность там, где она рвется. Добро пожаловать в Клуб

Отверженных Мечтателей.

Она щелкнула пальцами.

Из воздуха, прямо перед носом у Миры, соткалась маленькая, светящаяся бабочка. Она была сделана из дыма, но выглядела живой. Мира восторженно ахнула.

— Магия... — прошептала она.

— Нет, детка, — усмехнулась Ткачиха. — Это не магия. Это ремесло. И твоему папе придется ему научиться, если он хочет выжить. Потому что Варго уже спустил Гончих.

С потолка, далеко-далеко в темноте, упала капля. Но не воды. Капля черного масла.

Она разбилась о пол рядом с Элиасом, и в ней отразилось не его лицо, а искаженная маска Цензора.

Охота продолжалась.

Глава 4. Уроки пустоты

Суп из плесени оказался на вкус как земля после дождя, но эффект был мгновенным. Мира перестала кашлять. Её дыхание выровнялось, на бледных щеках появился слабый румянец. Она уснула прямо на коленях у Лома — железный гигант сидел неподвижно, стараясь не скрипеть шарнирами, и его желтый глаз-прожектор был притушен до мягкого ночника.

Элиас не спал. Он сидел напротив Ткачихи, глядя, как её пальцы плетут невидимую паутину.

Вокруг было тихо, лишь изредка где-то в недрах канализации ухали трубы, словно киты во сне.

— Ты думаешь слишком громко, Архитектор, — нарушила молчание Ткачиха. — Твои мысли скрежещут, как шестеренки без смазки.

— Я думаю о том, как выбраться, — признался Элиас. — Это место... это тупик. Варго перекроет все выходы. Мы здесь как крысы в банке.

— Выбраться? — Ткачиха хмыкнула. — Куда? Наверх, в свой серый бетонный гроб? Или еще выше, в твой воображаемый замок?

Элиас вздрогнул.

— Вы видите его?

— Я чувствую его *вес*. Ты таскаешь в голове конструкцию

весом в миллион тонн. Удивляюсь, как у тебя шея не сломалась.

Ткачиха отложила спицы. Полотно, которое она вязала — полупрозрачный шарф из тумана — повисло в воздухе, медленно тая.

— Проблема в том, парень, что ты *держишь* его. Ты боишься выпустить мечту наружу. Ты думаешь, что если отпустишь, она исчезнет или её украдут.

— Если я отпущу, я стану пустым, — жестко сказал Элиас. — Как те зомби наверху.

— Глупости, — отрезала старуха. — Ты путаешь *продажу с творением*. Когда ты продаешь сон Корпорации, они вырезают его из тебя хирургически. Но когда ты *воплощаешь* сон... он перестает быть твоей ношей и становится частью мира. Ты не теряешь его. Ты освобождаешься от него.

Она наклонилась вперед.

— Хочешь фокус? Попробуй создать что-нибудь. Прямо сейчас.

— У меня нет инструментов. Нет материалов.

— У тебя есть самый главный материал. Мусор. И воображение.

Элиас посмотрел вокруг. Горы хлама. Ржавые банки, обрывки проводов, осколки стекла.

— Это грязь, — с отвращением сказал он. — Мой Город сделан из света и мрамора. Я не могу строить из помоев.

— Вот поэтому ты и слаб, — Ткачиха покачала головой.

— Гордыня. Ты хочешь быть богом в белых перчатках. А настоящий творец не боится испачкать руки. Магия этого мира, Элиас, не берется из ниоткуда. Закон сохранения энергии. Чтобы создать что-то, ты должен *трансформировать* то, что уже есть.

Она подняла с пола ржавый гвоздь.

— Смотри. Этот гвоздь — мертв. Он забыл, зачем был сделан. Но в нем есть память металла. Память огня, в котором его ковали.

Она сжала гвоздь в кулаке. Закрыла глаза (под повязкой). Элиас почувствовал, как воздух вокруг неё сгустился. Это было похоже на статический разряд перед грозой.

Ткачиха разжала ладонь.

На её ладони лежал не гвоздь. Там лежала изящная, сверкающая серебряная игла.

— Я не придумала иглу, — пояснила она. — Я просто убедила металл сбросить ржавчину и стать острее. Я договорилась с ним.

Она бросила иглу Элиасу. Он поймал её. Металл был еще теплым.

— Попробуй, — приказала она.

Элиас взял обломок кирпича. Красного, крошащегося, грязного.

«Договориться», — подумал он.

Он закрыл глаза. Он попытался представить, что этот кирпич — часть идеальной колонны.

В голове вспыхнул чертеж. Линии, векторы, сечения.

Элиас напряг волю. Он приказал кирпичу стать мрамором.

«Стань камнем!» — мысленно проорал он.

Кирпич в его руке нагрелся. А потом взорвался.

Элиас вскрикнул, отбрасывая горячие осколки. Ладонь была обожжена, в глаза попала пыль.

Ткачиха расхохоталась. Смех у неё был каркающий, сухой.

— Сила есть, ума не надо! Ты пытался *изнасиловать* материю, Архитектор. Ты навязывал ей свою волю. А надо было слушать. Кирпич не хочет быть мрамором. Он хочет быть... — она прислушалась к эху в туннеле. — Он хочет быть частью стены. Защитой.

Элиас дул на обожженную руку.

— Это бред. Я инженер, а не шаман.

— Инженер работает с тем, что видит. Шаман работает с тем, что *чувствует*, — Ткачиха стала серьезной. — Варго использует технологии, чтобы выкачивать сны силой. Это путь насилия. Мы, Отверженные, идем путем симбиоза.

Внезапно Лом поднял голову. Его глаз-прожектор переключился с мягкого желтого на тревожный красный.

— Вибрация, — прогудел он. — Сектор 4. Приближение.

Элиас тоже почувствовал это. Едва заметную дрожь пола.

— Крысы? — спросил он.

— Нет, — Лом встал, бережно переложив спящую Миру

на груди ковров. — Механика. Тяжелая поступь.

Ткачиха мгновенно подобралась. Вся её расслабленность исчезла.

— Гончие, — прошипела она. — Они нашли след быстрее, чем я думала.

Элиас вскочил.

— Нам надо бежать.

— Куда? — Ткачиха «посмотрела» на него слепой повязкой. — Они загоняют нас. С одной стороны — тупик, с другой — они.

— Мы будем драться? — Элиас сжал кулаки, хотя понимал всю бессмысленность этой идеи.

— Нет, — сказала Ткачиха. — Мы пойдем туда, куда машины не сунутся. В Пустошь.

— Но Пустошь — это легенда, — возразил Элиас. — Место, которого нет на картах.

— Карты врут, — Ткачиха схватила свой посох. — Лом, открывай проход.

Гигант подошел к стене туннеля, где виднелся огромный, заваренный наглухо люк с эмблемой радиационной опасности. Он уперся в него металлическим плечом. Сервоприводы завывали.

Металл застонал, швы лопнули. Люк со скрежетом подался внутрь.

Оттуда пахло не сыростью, а сухим, горячим ветром. Запахом пепла и... цветов?

— Вперед, — скомандовала Ткачиха. — И молись, Архитектор, чтобы твоя логика не убила нас там. В Пустоши законы физики — это просто рекомендации.

Элиас подхватил проснувшуюся, испуганную Миру.

Позади, в коридоре, уже мелькали лучи прожекторов. Слышался механический лай. Механические псы Корпорации — быстрые, с челюстями-пилами — уже почуяли добычу.

— Быстрее! — крикнул Лом, пропуская их в люк.

Он зашел последним и ударом кулака обрушил свод туннеля за собой, заваливая проход камнями.

Грохот отрезал их от Города.

Теперь они были на другой стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.